

ШУДРЫ ПРОТИВ БРАХМАНОВ (очерки популярной элитологии)

Современное общество представляет собой сложную иерархическую систему, пронизанную экономическими и духовными связями.

Обратимся к одной из древнейших иерархий, сформированной индоевропейцами несколько тысячелетий назад – варно-кастовой системе. Упрощенно она выглядела следующим образом:

Основой социальной пирамиды была наибольшая группа – шудры: безземельные крестьяне и слуги.

Вайшьи – торговцы, ремесленники и мелкие землевладельцы.

Защитой общества занимались кшатрии – воины и, как правило, именно кшатрии становились первыми лицами государства.

Вершину пирамиды венчали интеллектуалы жрецы – брахманы. В их среде развивалась философия, наука и право. Интересно, что в современной Индии среди судей большинство являются потомками брахманов.

В древности брахманы, кшатрии и вайшьи относились к высшим варнам, в то время как шудры считались низшим сословием. По мере развития социального неравенства торговцы-вайшьи выпадают из числа привилегированных групп. Варна шудр также распадается на «чистые» и «низшие» сообщества.

Однако наибольшая дискриминация наблюдалась по отношению к людям, не входившим ни в одну из варн, – неприкасаемым. Общение представителей основных варн с неприкасаемыми было предельно регламентировано. Считалось, что общение с ними могло осквернить представителей высших каст, особенно брахманов.

Сложные социально-экономические процессы привели к появлению великого множества каст внутри больших варн, но принципиальная схема сохранялась без изменений на протяжении тысячелетий. Отношения внутри и между варнами также становились все более регламентированными. Кодексы законов и неписанных правил внутри иерархий и между ними были священны, а их нарушение зачастую приводило к отлучению. Следует отметить, что в древнеиндийском обществе существовали примеры перехода людей из одной варны в другую, хотя и не имели массового характера.

Живучесть этих традиций нельзя приуменьшать даже сегодня. Не взирая на демократические преобразования, сформировавшие современное общество, практически все существующие государства, так или иначе, опираются, используют или сохраняют определенные иерархические принципы, сформировавшиеся еще на заре цивилизации. Конечно, с упрощением доступа к

информации и ресурсам пропасть между разными «сословиями» визуально уменьшилась, и резко увеличилось количество социальных лифтов и механизмов перехода из одной социальной группы в другую. В современных условиях индивидум имеет неплохой шанс переместиться как «из грязи в князи», так и обратно. Тем не менее, до сих пор можно наблюдать многочисленные «атавизмы» в виде крайне замкнутых групп среди политиков, крупных бизнесменов, ученых, юристов. Не секрет, что успешные государства – это сообщества профессионалов, построенные на глубоких традициях и преемственности, научных школах и закрытых клубах. Сегодня образование и талант могут помочь потомственному военному стать успешным деятелем культуры, а сельский житель, выучив этикет и языки, имеет шанс возглавить дипломатическую службу. Однако, невидимые внутренние нити связывают знаменитые фамилии, ревностно оберегая от многочисленных «выскочек» свои сферы влияния. Представители новой крови, которым удастся влиться в эти сообщества, быстро мимикрируют и постепенно растворяются внутри, лишь усиливая невидимую пропасть между «ними» и «всеми остальными».

«Как добиться того, чтобы элиты выражали интересы народных масс, а не привилегированных меньшинств. Или поставим вопрос еще острее: как миллионам людей обезопасить себя от эгоистических действий правящих групп. С одной стороны, стратификация общества, в том числе выделение лидеров и элиты необходимы для упорядочения общественной жизни, ее регулирования, для уменьшения энтропии в социуме. Однако общество (точнее, его большую часть) подстерегает опасность превратиться в объект манипулирования элит, утратить свою субъектность. А для решения этой проблемы требуется создание гражданского общества, которое бы постоянно контролировало деятельность элит, чтобы в соответствии с конституционными нормами демократических государств народ стал подлинным субъектом социально-политического процесса.

Слишком часто элитой считаются люди, отнюдь не заслуживающие этого названия. Подлинная элита – это люди чести и совести, для которых главный приоритет – служение народу, это люди высокой культуры, способные разработать программу движения страны к процветанию».

Очевидно, что основная задача элиты – сформировать правильную стратегию, и именно она заинтересована в долгоиграющих политических конструкциях. И если для сообществ, занятых производством сельхозпродукции важно правильно организовать севооборот, обеспечивающий сытое существование, культивировать и сохранять плодородные земли, то для представителей военной или политической элиты необходимо суметь распознать главные вызовы и заключить правильные военно-политические союзы, выбрав оптимальный вектор развития экономики, обеспечить системный рост научно-технического прогресса. Насколько профессиональны будут эти действия, настолько успешной будет страна.

Преемственность и традиции, впитанные с молоком матери и развитым чувством внутреннего долга перед группой, зачастую путем естественного

отбора, позволяли сформировать лидера с большой буквы. История подарила нам множество ярких примеров. Чего только стоит тандем двух великих мировых лидеров середины XX века – наследника герцогов Мальборо сэра Уинстона Леонарда Спенсера-Черчила и представителя династии «Рузвельтов из Гайд-парка» Франклина Делано. Вся мировая политика последних восьми десятилетий заложена ими на фундаменте из побед и идей еще в 40-е годы XX века. Следует помнить, что эти выдающиеся многогранные личности несли культурные и политические традиции элиты, сформировавшейся в эпоху величайших преобразований в Европе еще в XVII веке. Здесь будет уместен популярный анекдот: на вопрос о том, почему в России никак не удается получить хороший британский газон перед домом, англичане ответили: «никаких проблем, просто вовремя стригите и поливайте его... и так 400 лет подряд».

Когда общество, в силу различных событий, начинает терять подобные устойчивые связи, часто можно наблюдать историческую деградацию. Бесконечная внутренняя борьба, приход к власти дилетантов и популистов или наоборот отсутствие «новой крови», приводят к распаду социума, неспособности выбрать достойную власть и отвечать за судьбу собственного народа и государства. Элита, которая не в состоянии ответить на вызовы времени, становится слишком замкнутой и неспособной к гибкости. В итоге, либо происходит революция и бывшие «отцы нации» дружно отправляются на свалку истории, либо под воздействием внешних факторов происходит смена элит и основных признаков государства. Один из самых brutальных экспериментов над человеческими иерархиями устроили большевики после революции 1917 года, когда был провозглашен тезис о том, что «и кухарка сможет управлять государством». Были уничтожены целые социальные слои, аккумулировавшие в себе интеллектуальные и духовные основы общества: дворянство, военные, духовенство, ученые, деятели культуры, купцы, предприниматели, крестьяне. Сотни тысяч детей, бывших генетическими носителями знаний и традиций, утратили возможность продолжить опыт поколений.

Разрушением страны «до основания» расчищалось место для новой элиты, которая тотчас приступила к созданию новой социальной пирамиды на основе диктатуры пролетариата. Руководители всех рангов огромного государства набирались по партийной разнарядке из среды комитетов сельской бедноты или низко квалифицированных рабочих. Кадровый голод, рожденный в 20–30-е годы XX века, привел к постреволюционной шариковизации общества. Эксперимент по деградации элиты, длившийся на протяжении всего XX века, окончился громким развалом СССР. Большевики и их потомки так и не поняли, что традиции и устои, которые они с энтузиазмом разрушали, были цементирующим раствором для создания монолита здорового общества.

Одним из выдающихся литературных произведений раннего СССР является «Собачье сердце» М. Булгакова, запрещенное большевиками еще при жизни автора. В его центре глубокий мировоззренческий конфликт между интеллигенцией и пролетариатом как порождение рукотворных большевистских социальных катаклизмов.

Сложно сказать, осознанно ли закладывал М. Булгаков в образы Преображенского, Борменталья, Швондера и Шарикова иерархический смысл. Но очевидно, что все главные персонажи как-будто специально отражают классическую варно-кастовую иерархию. Рассматривая бессмертную повесть под таким углом, мы можем прийти к удивительным выводам, имеющим самое прямое отношение к современному украинскому обществу.

Главный герой произведения профессор Филипп Филиппович Преображенский – типичный представитель касты жрецов-брахманов. Уже его внешний вид подчеркивал принадлежность к благородному сословию: «По снятии шубы он оказался в черном костюме английского сукна, и на животе у него радостно и неярко сверкала золотая цепь». Еще красноречивее другая цитата: «Этот ест обильно и не ворует, этот не станет пинать ногой, но и сам никого не боится, а не боится потому, что вечно сыт. Он умственного труда господин». До появления домтоварищества его квартира, как и весь дом, была символом идеального старого мира – сытого, ухоженного и аккуратного. К ней вела широкая мраморная лестница со скульптурами и коврами. Центром этого мира, разрушаемого нашествием «уплотнителей», был кабинет – храм знаний профессора Преображенского: «кабинет, и тот ослепил пса своим убранством. Прежде всего, он весь полыхал светом: горело под лепным потолком, горело на столе, горело на стене, в стеклах шкафов. Свет заливал целую бездну предметов, из которых самым занятым оказалась громадная сова». Сова в храме знаний – это символ поклонения и бесконечной веры профессора в мудрость, логику и здравый смысл. А он – верховный жрец этого храма. Будучи сыном кафедрального протоиерея, он лучше других понимает цену истинной вере и искреннему пастырю, вся жизнь которого посвящена служению своим убеждениям. Речи Преображенского – это проповеди, а любое возражение – это библейское пророчество:

«Ястребиные ноздри его раздувались,... гремел он подобно древнему пророку, и голова его сверкала серебром».

«Он – волшебник, маг и кудесник из собачьей сказки...».

Огромные знания, опыт и абсолютная уверенность в собственной правоте порождает гордыню: «Не будет никого, кроме господ, в моей квартире, пока я в ней нахожусь!».

Яркая и звучная фамилия профессора – это не просто красивая форма речи, ведь основные синонимы слова «преображение» – изменение, метаморфоза, переворот, перерождение, трансформация... революция! Преображенский – это гений идей революции, теорий об изменении мира и человечества, это собирательный образ великих новаторов, затеявших невиданный эксперимент

по улучшению человечества. Именно уверенность в праве на бесконечное вмешательство в природу вещей и приводят к трагическому результату – перерождению дворняги в чудовище с «собачьим сердцем».

Очевидно, что для «брахмана» Преображенского люди всех варн, занимающиеся профессионально своим делом – партнеры и помощники в достижении целей. С точки зрения профессора причина всех проблем – желание людей заниматься делами, к которым у них нет ни правильной подготовки, ни понимания. Пытаясь получить простые ответы на сложные вопросы, люди с легкостью впадают в популизм, разрушающий основы любого общественного устройства. Именно эту мысль транслировал профессор, говоря о причинах разрухи:

«И вот, когда он вылупит из себя всякие галлюцинации и займется чисткой сараев – прямым своим делом, – разруха исчезнет сама собой».

Увы, но в разрушении всех общественных основ Филипп Филиппович не видит и даже не пытается увидеть собственной вины. Так же, как и большинство представителей интеллигенции начала XX века. При этом фанатичная приверженность профессора прогрессивным идеям, логике, здравому смыслу делает его достаточно уязвимым перед любыми изменениями и элементарными бытовыми неудобствами. А насилие и борьба, которые являются неотъемлемой частью эволюции, им категорически не воспринимаются:

«Никого драть нельзя, – волновался Филипп Филиппович, – запомни это раз навсегда. На человека и на животное можно действовать только внушением».

«Филипп Филиппович во все время насилия над Шариковым хранил молчание. Как-то жалко он съезжился у притолоки и грыз ноготь, потупив глаза в паркет...».

Доктор Борменталь – безусловно, принадлежит к варне воинов-кшатриев. Волевой и аккуратный человек, для которого долг и честь – смысл существования. Иван Арнольдович стоически переносит тяжелый труд, неудобства, критику и ранения, понимая, что это его долг. С величайшим почтением он впитывает идеи Преображенского, готов им служить и воплощать в жизнь. Его внешность, поступки и слова раскрывают нам образ идеального решительного и уверенного в себе кшатрия. Для защиты своих идей и справедливости он готов к самым жестким действиям. Его реакция на любые неожиданности и вызовы всегда мгновенна и безбоязненна:

«Борменталь сжал сильные худые руки в кулаки, повел плечами, твердо молвил:

– Конечно. Я его убью!».

«Собственными руками здесь же пристрелю»...

«Как ее фамилия? – Спросил у него Борменталь. – Фамилия! – Заревел он и вдруг стал дик и страшен».

Борменталь, родившийся и воспитанный в семье судебного следователя, приучен говорить правду и любая ложь, которую он вынужден совершать в

жизни, с легкостью читалась в его глазах: «Обычно смелые и прямые, ныне они бегали во все стороны от песьих глаз. Они были насторожены, фальшивы и в глубине их таилось нехорошее...»

Швондер по канонам варновой системы – торговец-вайшья. Используя революцию и разруху, этот конъюнктурщик с легкостью разделяется с влиянием старой элиты (помещики, сахарозаводчики). В условиях исторической ломки, изворотливый и не слишком грамотный лавочник превращается в революционного «торговца» недвижимостью. «Отжатые» у прежних собственников квартиры он распределяет среди пролетариев, мечтающих жить в «пятнадцати комнатах с ванными».

Но главное, на что по задумке М. Булгакова претендует Швондер – это, не сколько господство над квадратными метрами своей паствы, сколько попытка завладеть душами простолюдинов, оставшихся без прежних пастырей. Именно желание стать новым духовным лидером – брахманом-священником, становится главной одержимостью домкома. Без особых зазрений совести, он пользуется приемами религиозной манипуляции для усиления влияния на малограмотную паству. Очевидно, что единственным, кто реально представляет опасность для Швондера – это «мировое светило» Преображенский, мешающий ему взять под полный контроль «калабуховский дом».

Управдом, ставя во главу угла собственное положение и влияние, прикрывается нуждами пролетариата: «Он интересы защищает. – Чьи интересы, позвольте осведомиться? – Известно чьи – трудового элемента».

Но в чем же причина такого негативного поведения Швондера? Так ли был объективен монархист Булгаков к торговцам-вайшью? Как мы уже говорили, вайшьи изначально принадлежали к «высоким» варнам, но со временем утратили это положение. Отношение к ним со стороны «благородных» брахманов и кшатриев значительно ухудшилось. Дело в том, что с развитием цивилизации экономика, торговля, денежные отношения усложняются. Влияние торговцев усиливается, что в других сословиях вызывало зависть и притеснения. Дореволюционная Россия не была исключением. Скорее всего, члены семьи Швондера жили в черте оседлости и как лица еврейской национальности имели ограничения в гражданских свободах, праве на учебу в гимназиях и университетах. Разрушение этих порядков стало для них смыслом жизни. Достаточно вспомнить «профессиональных революционеров», прибывших с Лениным в «пломбированном вагоне» в апреле 1917 года. Они боролись за обеспечение прав полноправного гражданина и, одновременно, используя природную смекалку и характер, за возможность подняться в социальной иерархии.

Следует отметить, что М. Булгаков пророчески описал последствия действий Швондера против профессора. Ведь, заигрывая с завистливым люмпеном, и выстраивая религию «диктатуры пролетариата», Швондер смертельно рискует: «Ну так вот, Швондер и есть самый главный дурак. Он не понимает, что Шариков для него более грозная опасность, чем для меня. Ну, сейчас он всячески старается натравить его на меня, не соображая, что если

кто-нибудь в свою очередь натравит Шарикова на самого Швондера, то от него останутся только рожки да ножки». Пророчество М. Булгакова сбылось через десятилетие после написания «Собачьего сердца». Окрепшие Шариковы с легкостью перемолотили в 1936–1938 годах старых большевиков. Любой историк не раз сталкивался с книгами того времени, в которых чернилами залиты фамилии «пламенных борцов» и кривыми квадратами зияют места их фотографий...

Шудры в «Собачьем сердце», как и положено, самая многочисленная группа. Великолепно описанные в монологах ошпаренного пса, они словно делятся на «чистых» и «низших» шудр, известных с древних времен. Дополняются эти типажи покладистыми и профессиональными слугами – швейцара Федора, горничной Зины и домработницы Дарьи Петровны. Добрые простые люди, с достоинством исполняющие свои несложные обязанности и с почтением помогающие великому профессору: «Ну, уж и женщины. Подумаешь. Барыни какие. Обыкновенная прислуга, а форсу как у комиссарши».

Главным событием бессмертной повести становится попадание умирающего пса в квартиру Преображенского. Шарик – бездомная беспородная собака, наиболее подходит под описание «низших шудр» либо гонимых неприкасаемых. Бесправное существо не имело никаких шансов в этом мире, если бы не эксперимент профессора. Но, еще будучи в «животном состоянии», неподготовленный мозг Шарика испытывает шок от попадания в «собачий рай», и, как результат, полностью теряет критическое восприятия себя как личности: «Я – красавец. Быть может, неизвестный собачий принц-инкогнито». И первое, с чем мысленно начинает бороться Шарик – это чучело совы в кабинете профессора. Символ мудрости вызывает у безродного пса нездоровую реакцию. Так начинается осквернение жилища брахмана:

«А сова эта дрянь... Наглая», «...пес наслаждался утихим боком и теплом, даже всхрапнул и успел увидеть кусочек приятного сна: будто бы он вырвал у совы целый пук перьев из хвоста...».

Вся трудная жизнь пса учила его, что мудрость, справедливость, здравый смысл и доброта в этом мире – это, скорее, исключение, чем правило. А знания нужны лишь для сытости желудка:

«Учиться читать совершенно ни к чему, когда мясо и так пахнет за версту».

Шарик с легкостью покупает «счастливый собачий билет». В нем мгновенно проявляется рабская психология – за кусок краковской он готов унижаться, за объедки на кухне он прогибается и лебезит:

«Разрешите лизнуть сапожок».

Отъевшись и заживев, пес с легкостью расстается с личной свободой:

«Я барский пес, интеллигентное существо, отведал лучшей жизни. Да и что такое воля? Так, дым, мираж, фикция... Бред этих злосчастных демократов...». «Ошейник – все равно, что портфель».

Шарику не дано понять, что, продав за колбасу свободу и надев ошейник, он подписывает себе приговор и становится инструментом в руках высших варн. Приходит час, и его с легкостью приносят в жертву в «храме науки».

Но, решившись на невиданный эксперимент, профессор совершает обряд перерождения неприкасаемого в другую социальную группу. После этого происходит уже не просто осквернение храма, рождение Шарикова – это начало разрушения всего окружающего мира. Операция Преображенского и Борменталья, целью которой была попытка «улучшения человеческой породы», приводит к рождению существа, в котором совмещаются худшие человеческие и животные повадки: «Две судимости, алкоголизм, «все поделить», шапка и два червонца пропали – хам и свинья...».

Низкая мораль Шарикова ярко выразилась в его отношении к долгу по защите Родины:

«– Я воевать не пойду никуда! – Вдруг хмуро твякнул Шариков в шкаф...

– На учет возьмусь, а воевать – шиш с маслом, – неприязненно ответил Шариков, поправляя бант».

Главной трагедией становится то, что злобный, завистливый и недалекий «человек с собачьим сердцем», стоящий на самой низшей ступени развития, перерождается в... неблагодарного наследника благородного бездетного «жреца»: «Что-то вы меня, папаша, больно утесняете, – вдруг плаксиво выговорил человек.

Филипп Филиппович покраснел, очки сверкнули.

– Кто это тут вам папаша? Что это за фамильярности? Чтобы я больше не слышал этого слова! Называть меня по имени и отчеству!

Дерзкое выражение загорелось в человеке.

– Да что вы все... То не плевать. То не кури. Туда не ходи... Что уж это на самом деле? Чисто как в трамвае. Что вы мне жить не даете?! И насчет «папаша» – это вы напрасно. Разве я просил мне операцию делать? – Человек возмущенно лаял – хорошенькое дело! Ухватили животную, исполосовали ножиком голову, а теперь гнушаются. Я, может, своего разрешения на операцию не давал».

Не взирая на всю комедийность ситуации, Шариков достаточно точно подметил прямую вину профессора в результате этого социального эксперимента.

Не будучи обременен ни знаниями, ни высоким интеллектом, «жертва» мгновенно вмещивается в стройную жизнь обители мудрости, вызывая ступор у ее хозяина: «...все ваши поступки чисто звериные, и вы в присутствии двух людей с университетским образованием позволяете себе с развязностью совершенно невыносимой подавать какие-то советы космического масштаба и космической же глупости о том, как все поделить...».

Мало кто без смеха воспринимал новое имя Шарикова – Полиграф Полиграфович. Но оно, на самом деле гораздо глубже и символичнее, это прямая издевка над мудростью профессора (polygraph, от греч. Πολύ – много и γράφω – писать). Одним из синонимов слова полиграф является «испытание

лжи» – «детектор лжи». И если Преображенский и Борменталь почитатели мудрости, то Шариков – истинный служитель обмана, зависти и подлости. Оскверненный глупостью, храм науки уверенно превращается в «похабную квартирку».

Используя волну революционных трендов и приспособляемость, Шариковы с легкостью карабкались по социальной лестнице. Обман и нечистоплотность – вот главные черты новорожденного «брахмана из подворотни». Он не просто претендует на свои кровные аршины в квартире – он пытается изменить правила жизни всего дома. И речь идет уже не о внешних атрибутах. Шариков больше не будет есть на полу селедку в операционной, он матерееет и быстро приобретает напускной лоск: «обед в столовую подашь!».

Главный итог появления «новобрахмана», почувствовавшего власть – желание подчинять всех. Идея эта была сформулирована много столетий назад Цицероном: «Раб мечтает не о своей свободе, а о своих рабах». Ненависть к котам оказывается не только данью собачьему происхождению, – это абсолютное неприятие свободных существ, которые живут по собственным законам.

Проходит немного времени, и заведующий подотделом очистки уже пытается разделаться со своим создателем. Жрец Преображенский, случайно превративший пса в человека, и становится первой жертвой этого эксперимента. В истории немало примеров, когда идеологи революций без особых зазрений совести были уничтожены революционной чернью, получившей власть.

Но пророческий сюжет «Собачьего сердца» развивается с хорошей перспективой, ибо на помощь «брахману» Преображенскому вовремя приходит «кшатрий» Борменталь. Придушив восставшего Шарикова, он удаляет чужеродные элементы из неокрепшего мозга. Безусловно, по логике повести доктор станет выдающимся деятелем, наследником школы Филиппа Филипповича. Просветленный идеями своего учителя Борменталь мужественным и благородным действием вернет природный порядок вещей и восстанавливает гармонию. «Вайшья» Швондер, потерпевший полное фиаско с внедрением «идей революции» в Калабуховском доме, надолго забудет путь в квартиру Преображенского и, вероятно, в будущем будет более осторожно заниматься «перераспределением» собственности. Шариков, вернувшись в прежнее животное положение, будет сытым верным слугой профессора. Великий жрец Преображенский все дальнейшие эксперименты будет делать с большей осторожностью, хотя идею об «улучшении человеческой природы» не оставит никогда. Вероятно, как-то так видел Булгаков жизнь иерархий и элит в постреволюционной России.

К сожалению, реальность оказалась не такой оптимистичной. Ведомые вайшья-швондерами неприкасаемые-шариковы уничтожили сперва брахманов, а потом и самих вашья-швондеров – «старых большевиков», «сратников

Ленина». Но касты (или же классы) уничтожить было невозможно, как ни старались в этом убедить весь мир носители новой идеологии. Только теперь именно шариковы стали тем классом, который генерировал и вашья, и шудра, и даже новых жрецов-брахманов, пока не завели страну в глухой исторический тупик.

Разумеется, первыми это поняли жрецы из идеологических отделов КПСС конца 80-х и начали упорно внедрять идеи «социализма с человеческим лицом и рыночной экономикой». Действительно, было все – безграничные ресурсы, огромное количество квалифицированных рабочих рук и желание изменить ситуацию. Многие пребывали в радужных мечтах – еще миг, и мы сделаем колоссальный экономический рывок, еще миг – и заработают развитые демократические институты, еще миг...

Но Homo soveticus уже не мог породить ничего иного, кроме как себе подобное. Даже скрестившись с капиталистическими дельцами. Появились новые Швондеры, которые отодвинули от безграничной советской собственности народ, который наивно верил в возможности справедливой приватизации. А следом за народом – и немногочисленных «брахманов» и несогласных «кшатриев». Украина имела в начале 90-х годов одну из наиболее развитых экономик в бывшем СССР. Бывшие партийные боссы и красные директора, еще несколько лет назад рассказывающие народу о социальной справедливости, как изголодавшиеся волки набросились на «бесхозные закрома Родины». В результате кровавого дележа мафиозных разборок появился олигархо-клептократический режим новых Швондеров, которые уверенно повели страну к новому историческому тупику. За четверть века они не только не предложили миру ни одной прогрессивной идеи, но и в перспективе стали представлять прямую угрозу существованию своего народа и государства. Пролетарское происхождение помогло «профессору» из Енакиево прыгать по властной вертикали из шариковых в швондеров, а отсутствие принципов и чести стали бонусом при тотальном «дерибане». Как тут не вспомнить «Собачье сердце»: «две судимости, алкоголизм, «все поделить», шапка и два червонца пропали – хам и свинья...».

В итоге, гипертрофированный комплекс неполноценности, возникший в детстве Виктора П, поставил Украину в конце 2013 года на грань выживания. К этому времени уже никакие сказки о европейской перспективе не могли прикрыть барство «семьи» талантливого стоматолога, приближенных баронов-олигархов, лендлордов-прокуроров и судей-мультимиллионеров.

Беспрецедентная коррупция, как родовая травма, пришедшая к нам из тоталитарной системы, окончательно разрушила и без того слабое равновесие общества. «Коррупция ведь тоже отчасти результат отсутствия элиты. Места, которые должны, по идее, занимать тщеславные политики с неимоверно раздутым эго, в политическом вакууме заполняют обычные крохоборы, которым политический процесс, сам по себе, неинтересен и непонятен. Потому что, как и все население, они не элита, они не особо разбираются в сложных процессах работы государства, закона и общества».

Клептократы, засевающие на киевских холмах не поняли, что именно они стали теми верхами, которые не смогли управлять по-новому. Однако молодые пассионарии не желавшие жить по старому и бойко кричавшие о революции, забыли, что ей как правило, сопутствуют контрреволюция, интервенция, оккупация, гражданская война, хунта, вандея, «доктор Гильотен», «прокурор фонарь» и много других неприятных явлений. И, как уже неоднократно бывало в истории, Майдан вынес на гребень волны людей с яркими чертами торговцев. Общество, воодушевленное европейскими перспективами, выбрало себе новых лидеров. Успешные бизнесмены с прекрасным образованием и эрудицией стали прямой противоположностью недоученному «пахану». На выборах они получили огромную поддержку общества, заряженного на быстрые либеральные реформы. И, возможно, поддержка в обществе представителей «бизнесэлиты» продолжалась бы достаточно долго, если бы не одно «но»!

Запах горящих шин на Грушевского почувляли клептократы планетарного масштаба в Кремле. Строительство посткоммунистического феодализма в РФ они считали практически законченным. И любые, даже потенциально успешные модели экономики на постсоветском пространстве автоматически ставили под сомнение неофеодалное устройство федерации, приправленное имперской мишурой и откровенным фашизмом.

Пока военные авантюры нынешнего кремлевского вождя позволяли остановить любые либеральные поползновения соседей. Рожденный в темной питерской коммуналке, воспитанный криминальным авторитетом и школой КГБ, он всегда очень старался выглядеть авторитетным кшатрием, указывающим Путь. Реализовать это в стране, в которой давно забыли, какими качествами должен обладать правитель, было не сложно. Методов предостаточно: террор против спящих домов, ковровые бомбардировки мирных поселков, нападения на крохотные страны, убийства политических оппонентов, введение военных без шевронов в союзную страну, международная коррупция, игнорирование любых договоров... Газово-нефтяная федерация, получившая невиданные финансовые и природные ресурсы, успешно построила общество, в котором шариковщина восторжествовала. Общественное устройство, которое Оурэлу и Войновичу казалось утопией, было реализовано в РФ.

Что же делать Украине? Страна, которой руководят люди с рыночным менталитетом может быть успешной, пока не сталкиваются с самым серьезным вызовом – войной. Новая украинская элита, пришедшая к власти на Майдане, оказалась к ней не готовой. Не готовой, в первую очередь ментально. Гибнут тысячи наших граждан, но у лидеров не хватает мужества назвать это войной. Одновременно ведутся антитеррористическая операция, и... переговоры с террористами. И даже торговля с ними, причем не только сельхозпродукцией. Нет честолюбия даже разорвать дипломатические отношения с обезумевшим соседом. Лишь под давлением союзников и народа, наши кормчие-швондеры вынуждены скрипя сердце выполнять международные санкции против оккупантов.

Но чему удивляться? Мы ведь видели, что победить шариковщину может лишь скромный «укушенный» Борменталь, который внутренним чутьем знал, что лишь решительность и честь – залог победы. А наши лидеры все еще продолжают оставаться торговцами-вайшьями. Победить в войне они собираются путем торга.

Возможно, что сценарии для Украины, фактически утратившей международную субъектность, пишут «брахманы» из стран, где элиты руководствуются успешной стратегией по принуждению безумцев к здравому смыслу, а наши вайшьи с киевских холмов лишь выполняют отведенную им роль? А десант иностранных «эффективных менеджеров» это лишь первый шаг по укрощению обезумевших «шариковых»? Возможно, из парней, хоронивших небесную сотню, уже родились истинные «брахманы», которые поняли свою историческую миссию, а в горниле АТО куются истинные воины, способные с честью защитить свой народ и страну?

Возможно.